

ТЕРА ЛИ

Хорошие Девочки
сделали это

МОСКВА

УДК 821.1611-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

Иллюстрация на обложке *Wizzrd*
Внутренние иллюстрации *OKODAR*

Ли, Тера.

Л55 Хорошие девочки сделали это / Тера Ли. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Коллекция странных дел).

ISBN 978-5-04-199653-6

Клэр Максвелл мечтает сбежать из родного Вуд-Крика после окончания школы. Однако накануне выпускных экзаменов городок потрясает жестокое, почти невозможное убийство: директора растворяют в кислоте.

Вскоре Клэр обнаруживает тело еще одной жертвы. Она и трое ее подруг понимают, что могут быть причастны к преступлениям. Ведь у них есть общая тайна, которая стоит жизни четверым жителям Вуд-Крика. Хотя пока что погибли лишь двое...

Однако Клэр и сама кое-что скрывает от подруг. Из разговора родителей она узнает, что ее отец когда-то убил человека. Может ли он быть тем монстром, что держит в страхе весь город?

УДК 821.1611-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199653-6

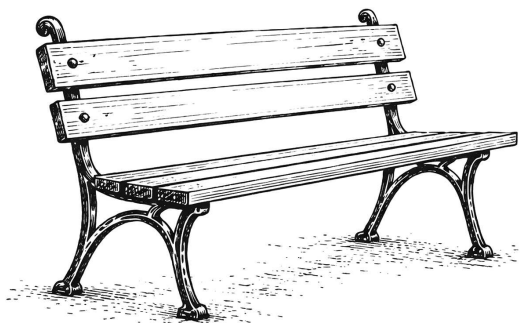
© Ли Т., 2024

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2026

*Вот, что бывает с теми,
кто не умеет находить друзей:
в итоге оказываешься среди тех,
кто тебе не особо нравится.*

Карен М. МакМанус,
«Один из нас лжет»

ГЛАВА 1

Сиэтл, штат Вашингтон

Что-то было не так. Обычно мое утро начиналось с писка будильника и огромного нежелания просыпаться, но сейчас я резко открыла глаза, будто и не спала вовсе, и посмотрела в окно. Стук, который я услышала несколько секунд назад, мне наверняка не послышался.

Солнце только начинало свое неспешное восхождение по небу, облизывая тротуары у основания высоток. Спутниковые тарелки на крышах домов, пожарные лестницы, припаркованные машины в тупике квартала — оно находило и обжигало все, окрашивая стекло и металл в песочные оттенки.

Несмотря на частые кошмары, из-за которых я просыпалась посреди ночи или уже под утро, встретить рассвет мне никак не удавалось. Пока я приходила в себя, лежа на смятых простынях, солнце уже поднялось достаточно, чтобы развеять ночные страхи.

В обычные дни я делала все автоматически: подъем ровно в семь, чай и дорога на работу — и ни минуты на любование утренним пейзажем. Сейчас, смотря в окно, я видела упущенные возможности насладиться тем, что жители мегаполисов редко замечают: началом нового дня.

Звонок будильника вернул меня к мысли о странном звуке за окном. Коснувшись ногами пола, я поджала пальцы и обняла себя руками. Давно мне не приходилось чувствовать такой холод. Я на цыпочках приблизилась к окну, ожидая увидеть на холодном бетоне балкона крысу или змею, но заметила лишь пару серых перьев. Птица. Хорошо, что Джил далеко, иначе за моей спиной уже стоял бы очередной ее знакомый шарлатан и снимал с меня порчу. Усмехнувшись, я провела рукой по лицу и окончательно проснулась.

Через пару минут я стояла у плиты и готовила себе чай. В такое утро, как это, когда я просыпалась от кошмаров и мои нервы, как мотки ниток, разбухали в трахее, не давая дышать, меня успокаивало неторопливое приготовление чая. Я включала телевизор, по которому обычно в это время шли новости о погоде, и под его чуть слышный гул доставала золотистый пакетик, купленный в китайской лавке неподалеку от парка Лотон.

Впервые я зашла туда пару месяцев назад, когда меня вновь начали мучить кошмары. Не знаю, зачем я поддалась непонятному импульсу и вошла туда под бодрый звон колокольчика на входной двери. И даже когда познакомилась с хозяйкой магазина — пожилой китаянкой с сеточкой морщин на лице, — даже

тогда я не верила в благоприятный исход спонтанной затеи.

По моим глазам старушка поняла, что мне нужно, это были ее первые слова, и, предложив напиток, успокаивающий и приводящий в порядок нервы, выдала инструкцию на два листа о том, как его заваривать. Я уже было подумывала отказаться, представляя, сколько потрачу нервных клеток, прежде чем приготовлю это чудо-лекарство, но она была так убедительна, что я сдалась.

Каждое утро неспешные манипуляции с чаем помогали мне проснуться, пока я, сверяясь с инструкцией, выполняла все пункты по порядку. После того как чай был готов, я садилась в кресло и разглядывала билборд за окном. Это было частью моего ритуала, потому что реклама на нем не менялась больше десяти лет. Иногда я смотрела на людей, которые в спешке запрыгивали в автобусы или безрезультатно пытались поймать такси, или как соседский кот с нижнего этажа взбирался по пожарной лестнице к моему окну, чтобы поохотиться на голубей. Хозяин кота Тэд был свободным художником, поэтому я и не удивлялась тому, что его питомец пытается выжить самостоятельно.

В такие минуты я морально готовилась к рабочему дню: к окрикам босса и бесконечным колонкам цифр в офисной макулатуре, планеркам и неоплачиваемым сверхурочным. Ближе к ночи я возвращалась с работы, валясь с ног от усталости, и успевала только умыться перед тем, как нужно было ложиться спать. Изредка по выходным я выбиралась в ближайший к моей квартире бар вместе с таким же выжатым

как лимон офисным планктоном и сквозь хрипящую музыку автомата слушала их жалобы на начальство и порядки, которые они никогда не выскажут в лицо «хозяевам жизни». Временами мне было смешно от того, что они свято верили в свою непогрешимость и правоту. Тем более когда я не раз наблюдала, как некоторые из них большую часть дня болтали по рабочему телефону с подругами, а другие не вылезали из соцсетей. Их обеденные перерывы порой удваивались, но они все равно не прекращали жаловаться на низкую почасовую оплату и отсутствие страховки.

Несмотря на бурчание своих коллег и напряженные пять дней в неделю, когда я не видела ничего, кроме продавленного стула, офисной клетки и своей квартиры, я любила Сиэтл. Моя квартира находилась в двух шагах от залива Салмон, так что выходные я проводила возле воды и двухмоторных лодок. Моя мать упрекнула бы меня, узнай она, что ее дочь не интересуется ничем, кроме рыбацких судов. Тем более в городе, который под завязку набит музеями, небоскребами и парками. Но, признаться, меня не тянет никуда дальше района, в котором я живу. И ничего в этом плане не меняется вот уже пятнадцать лет, возможно, поэтому я чувствую себя здесь чужой.

Когда время утренней релаксации закончилось, я подошла к экрану телевизора с кружкой в руках и потянулась к пульту, лежащему на журнальном столике. То, что я услышала, гулким эхом отозвалось в моих ушах, сдавило перепонки. Мои ладони вспотели, по рукам пробежала дрожь, и я выронила кружку, ошпарив ступни кипятком.

— Черт! — Я завывала от боли.

Под ногами расплывалась желтая лужа, струйки чая текли по деревянным доскам, проникали в щели, и такая картина, как ни странно, успокаивала. Я осознала, что всю неделю неправильно пила напиток — все-таки стоило прочесть инструкцию до конца.

Пока я пыталась справиться с болью, экстренный выпуск новостей сменился каким-то шоу, то ли юмористическим, то ли из области зоологии, но он в любом случае казался не к месту после того, что транслировалось до этого. Перед глазами, как назло, пронеслись жуткие кадры. Несколько невинных жертв. Серийный убийца. *И зачем они это людям показывают? Ублюдки-телевизионщики.* Меня трясло от злости, и я боялась. Этот страх не отпускал меня вот уже двадцать лет, иногда он прятался по углам, в темноте, но я всегда знала, что он просто выжидает подходящий для нападения момент. И вот он снова грызет меня изнутри.

Я села в кресло, поджав под себя ноги, и задумалась. *Если я что-нибудь не сделаю, то взорвусь.* Руки сами потянулись к телефону и нажали на клавишу быстрого набора. Трубку взяли после второго гудка.

— Алло.

— Мам, привет, это я.

— Клэр? Я ждала твоего звонка вечером.

Звонки раз в неделю стали нашей первой и единственной семейной традицией, этакая тонкая грань между ненавязчивостью и заботой. Я мысленно назвала себя дурой, напрочь забыв про время, и уже не так уверенно продолжила:

— Да, я знаю... Я тут смотрела новости и...

Перед моими глазами возник образ матери. Как она, укутав ноги пледом, сидит в кресле-качалке на-

против тети Джил, в одной руке держит телефонную трубку, а другой прижимает к коленям раскрытый роман. Зачем я позвонила? Зачем ворошить прошлое и тревожить мать?

— Как у вас с погодой? В Сиэтле обещают дожди.

На той стороне провода стояла тишина. Мне даже показалось, мама решила, будто ее разыгрывают, и уже повесила трубку, как вдруг она ответила:

— Что с тобой, Клэр? Ты что-то про новости говорила.

Я пальцами сдвинула лоб:

— Да ничего, говорю же: дожди. Подумываю приехать к вам на днях, привезу обещанных моллюсков.

— С работой все в порядке?

— Да, мам.

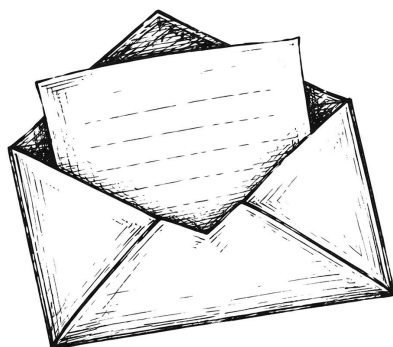
— А как... с личной жизнью? — она спросила чуть слышно.

— Не начинай. — Я поспешила закончить разговор. — Приеду в субботу. Ладно?

— Буду ждать тебя, Клэр.

Когда в трубке послышались гудки, я сдавленно выдохнула и закрыла глаза. То, что случилось двадцать лет назад, снова меня настигло, и, что самое страшное, я не могу поговорить об этом ни с кем, даже с матерью, которая, я знаю, меня поймет.

Я вышла на пожарную лестницу, где уже сидел рыжий кот. Он потянулся, когда я подошла, и, вальяжно облизнувшись, посмотрел мне прямо в глаза. Пока мои пальцы медленно перебирали его густую шерсть, воспоминания унесли меня на двадцать лет назад.

ГЛАВА 2

**20 лет назад. За неделю до катастрофы.
Вуд-Крик, штат Вашингтон**

Меня разбудил стук. Быстрый и рваный.

Втянув носом воздух, я закашлялась. В комнате было душно, а с кухни тянуло прохладой. Глухие удары ножа по деревянной доске перекликались с то нарастающим, то утихающим гулом утренних новостей. Удивительная привычка портить себе настроение по утрам авиакатастрофами и падением курса акций нефтяных компаний.

Спрятавшись под одеялом, я закрыла глаза. Приятная дрема, которая обычно приходила за пять минут до звонка будильника, безвозвратно пропала. Я вытянула ноги, сжимая и разжимая пальцы, потерла начинающие замерзать ступни друг о друга. Ежедневный ритуал превращался в вынужденную необходимость разогнать кровь, немного согреть за-

стывшие мышцы. Дышать становилось все труднее, горячий воздух кружил голову.

Когда зазвонил будильник, я была готова. Резко сдернула одеяло и, прерывисто дыша, как вынырнувший из ледяной воды пловец, натянула толстовку. Шерстяные ворсинки щекотали кожу. Я вздрогнула и растерла тело через одежду, прогоняя мурашки. Проходя мимо шкафа, я поймала взгляд своего отражения в зеркале и остановилась. Повернулась вправо и влево, осмотрела лицо со всех сторон. Да уж, не впечатляет. Если фигурой я оставалась довольна: сильные, но стройные ноги, отчетливая талия и ни капли жира, то лицо было моим главным разочарованием: бледно-голубые глаза, слишком светлые брови и тонкие губы. Может, если бы не вечно недовольное выражение, я бы выглядела симпатичнее. Но последние четыре года я не могла от него избавиться. Я вздохнула, собрала длинные пепельно-русые волосы в высокий хвост и, скривив рожу отражению, направилась к выходу.

Мой дом был таким же непримечательным, как и я. Две спальни по правую сторону, ванная и гостиная с кухней, на которую натыкаешься, стоит только войти. Единственное, что придавало уют, — окна: одно рядом с входной дверью, второе на противоположной стене в зоне кухни и третье в левой стене. В редкие погожие дни света было так много, что не приходилось тратить электричество.

— Может, откроешь окно? — первое, что я услышала, выйдя из комнаты.

— Ты серьезно? На улице жуткий холод. — Для убедительности я обхватила себя руками.

Мама покачала головой и промолчала, продолжая нарезать салат. Огонь на плите так и манил меня, заставлял подойти ближе, чтобы согреться. Когда руки немного потеплели, я открыла тумбочку в поисках кофе. Пряный горький аромат вселял надежду, что для меня еще не все потеряно.

— Вафли? — Мама пододвинула ко мне тарелку.

— Нет.

— Ты очень похудела, Клэр. Я боюсь, что ты станешь похожа на тех девушек из вечерних новостей.

— Мам, ты опять? Если вдруг я начну бегать в туалет после каждого завтрака, тогда бей тревогу, а сейчас не начинай даже.

Последние два года мама, точно заведенная, повторяла эти слова, и я, пропуская мимо ушей ее увещевания, была благодарна хотя бы за то, что она не высказывает претензий насчет дуэта «кофе и под-росток», такого бы я не пережила.

— Я оставила тебе деньги на взнос.

— Какой взнос? — Я растерялась, не успевая за полетом ее мысли.

— Ваш директор на собрании говорил про капитальный ремонт классов. Просил по возможности помочь.

— А у нас разве есть такая возможность?

Она оторвалась от приготовления завтрака и посмотрела на меня:

— Клэр, многие родители скинулись.